

Павло Тичина | Павел Тычина
Pavlo Tychyna | Pavlo Tytchyna
Задушній Чоюбас

СКОРБНА МАТИ
СКОРБНАЯ МАТЬ

THE GRIEF OF THE MADONNA
LA MÈRE DE LA DOULEUR
Задушній Чоюбас

Павло Тичина | Павел Тычина
Pavlo Tychyna | Pavlo Tytchyna

Здзендр Өюбіба

Скорбна мати

українською, російською,
англійською, французькою
та грузинською мовами

Україна – Київ – 2012 рік

Літературно-меморіальний музей-квартира
П.Г. Тичини в м. Києві висловлює щиру подяку

автору ідеї та куратору цього проекту –

Олексієві Прокоповичі Довгому

за підтримку, опіку та настанови, без яких книжка
не була б саме такою, якою потрапила Вам до рук.

Автори перекладів:

Ігор Качуровський (переклад російською мовою),
Рауль Чілачава (переклад грузинською мовою),
Стівен Комарницький (переклад англійською мовою),
Дмитро Чистяк (переклад французькою мовою).
Ілюстрації Валерія Франчука.

Ігор Качуровський (нар. 1918 р.) – поет, прозаїк, перекладач, доктор філософії, лауреат Національної премії України імені Тараса Шевченка, живе і працює в Німеччині.

Рауль Чілачава (нар. 1948 р.) – поет, перекладач, літературознавець, доктор філологічних наук, професор, заслужений діяч мистецтв України, Надзвичайний і Повноважний Посол України у Латвії (2005–2010 роки).

Степан Комарницький (нар. 1963 р.) – британець українського походження, поет, перекладач, літературознавець.

Дмитро Чистяк (нар. 1987 р.) – письменник, літературознавець, перекладач, викладач КНУ ім. Т.Г. Шевченка.

Валерій Франчук (нар. 1950 р.) – лауреат Національної премії України імені Тараса Шевченка, лауреат премії імені Василя Стуса, Заслужений художник України.

Скорбна мати | Скорбная мать | The grief of the Madonna | La Mère de la Douleur | მაღლოვიარე დედა

Павло Тичина | Павел Тычина | Pavlo Tychyna | Pavlo Tytchyna | პავლო ტიჩინა

У цій книжці видатний твір
 класика української літератури
 Павла Григоровича Тичини
 «Скорбна мати»
 подається в оригіналі
 та перекладах російською,
 англійською, французькою
 і грузинською мовами.

4

Передмова Рауля Чілачави.

Художнє оформлення Валерія Франчука.

Співкуратор проекту Тетяна Сосновська.

Пророчий вірш

Павла Тичини

Павло Тичина – один з найбільших поетів ХХ століття. Наважусь стверджувати: не лише в українському контексті, а й у контексті світовому. Його перші чотири збірки «Сонячні кларнети» (1918), «Плуг» (1920), «Замість сонетів і октав» (1920), «Вітер з України» (1924) стали революційними явищами в красному письменстві, кардинально змінивши уявлення сучасного читача про поезію, про можливості художнього слова, синтез думки і музики, болю і сподівань. Космічне світобачення, унікальна образність, мовностилістична і музична витонченість, край індивідуальне сприйняття дійсності одразу виокремили колишнього семінаристу й співця церковного хору з когорти найталановитіших митців, переважна більшість яких невдовзі склала сумний мартиролог «розстріляного відродження». Параడоксально, але більшовицька влада, яка жорстоко нищила свідомих носіїв ідей національної окремішності українського етносу, його право на самостійне державницьке буття, фізично не зачепила самого Павла Тичину, який багато в чому уособлював це відродження і ще на початку свого творчого шляху з дерзновенною відвертістю освідчився в любові до рідної землі, висловив стривоженість за її майбутнє. За таку «великодушність» влади поет заплатив немовірно високу ціну: він добровільно-примусово став визначним співцем «збільшовиченої ери», яка назавжди під-

різала золоті крила його натхненній музі. У своїй творчості Павло Тичина пройшов шлях від співця української революції до співця революції соціалістичної. Виведена самим поетом формула «чуття єдиної родини» зробила з нього сучасного бранця системи, який віднині мав забути про свої новаторські, просякнуті щемливим духом кларнетизму вірші громадянського, філософського й інтимного звучання, переконувати себе та інших, що «комунізму далі видні». Це була трагедія генія, який чітко усвідомлював нездоланну прірву між внутрішніми своїми можливостями і реальністю, в якій на ці можливості вищим керівництвом країни було накладено нещадне табу. Втім, як писав великий сучасник Тичини і не менш постраждалий від тодішньої ж влади геніальний кінорежисер Олександр Довженко, про митця слід судити по його вершинних творах.

На щастя, Павло Тичина залишив нам у спадок чимало справді неповторних вершинних речей, які назавжди занесені до золотого фонду духовної скарбниці нації. Одним з таких творів є тривалий час замовчуваний офіційним літературознавством радянської минувшини славнозвісний вірш «Скорбна мати», написаний 27-річним Павлом Тичиною в 1918 році. Разом з уславленими поезіями «Золотий гомін» і «Дума про трьох вітрів» він завершує дебютну і водночас реформаторську збірку поета «Сонячні кларнети». Образ скорботної жінки, яка в пошуках слідів свого розіп'ятого сина бреде здичавілими полями України, може уособлювати і Матір Божу, і рідну матір поета (якій, власне, присвячується вірш), а також матір-Україну. Ця своєрідна

триєдність надає оповіді універсального значення, підносять її від глибоко особистісного до вселюдського рівня. В чотирьох мініатюрних частинах, по чотири строфі в кожній, автор зумів розгорнути катастрофічну картину розореної, витоптаної і знищеної обителі Спасителя, останнього прихистку його стражденної душі. Запитання: «За що тебе розп'ято, за що тебе убито?» можна віднести, безперечно, не тільки до сина невтішної матері, а й до знедоленої України, де буяє лише дике жито і «в могилах поле мріє». Хоча автор й створює біблійне тло (Юдея, Галілея, Емаус), вдається до урочисто-церковних фраз («Возрадуйся, Маріє», «Ой, радуйся», «Христос воскрес»), очевидно, що йдеться про пореволюційний час в Україні, якій він замість омріяної свободи і незалежності приніс тисячу смертей, нескінченні руїни і глибокі розчарування. І розп'яла її на хресті братобивча громадянська війна. «Христос воскрес? – не чула, не відаю, не знаю!..» – вигукує приголомшена побаченим лихом Божа Мати, що, на перший погляд, може означати безмежний відчай, непритаманну християнській вірі безвихід. Однак це лише на перший погляд. Насправді, згідно з тим же євангельським вченням, після розп'яття обов'язково має бути і воскресіння. І поет за допомогою тонкої алего-рії веде нас, по суті, до єдино правильної розв'язки. Саме в подібному тлумаченні поетового задуму криється апофеоз скорботи, коли через муки і страждання, смерть і воскресіння настає вічне життя, що, власне, і напророчив любій вітчизні своїм великим твором Павло Тичина.

Рауль Чілачава

Пророческое стихотворение Павла Тычины

Павел Тычина – один из крупнейших поэтов XX века. Осмелюсь утверждать: не только в украинском контексте, но и в контексте мировом. Его первые четыре сборника «Солнечные кларнеты» (1918), «Плуг» (1920), «Вместо сонетов и октав» (1920), «Ветер из Украины» (1924) стали революционными явлениями в художественной литературе, кардинально изменив представление современного читателя о поэзии, о возможностях поэтического слова, синтезе мысли и музыки, боли и надежды. Космическое миропонимание, уникальная образность, лингвостилистическая и музыкальная утонченность, крайне индивидуальное восприятие действительности сразу выделили прежнего семинариста и певца церковного хора из когорт самой талантливых художников, подавляющее большинство которых вскоре составили грустный мартиролог «расстрелянного возрождения». Парадоксально, но большевистская власть, которая жестоко уничтожала сознательных носителей идей национальной самобытности украинского этноса, его право на самостоятельное государственническое бытие, физически не зацепила самого Павла Тычину, который во многом олицетворял это возрождение и еще в начале своего творческого пути с дерзновенной откровенностью признался в любви к родной земле, выразил тревогу за ее будущее. За такое «велико-

души» власти поэт заплатил невероятно высокую цену: он «добровольно-принудительно» стал выдающимся певцом «обольщевиченной эры», которая навсегда подрезала золотые крылья его вдохновенной музе. В своем творчестве Павел Тычина прошел путь от певца украинской революции к певцу революции социалистической. Выведенная самим поэтом формула «чувства семьи единой» сделала из него сановного пленника системы, который отныне должен был забыть о своих новаторских, пропитанных щемящим духом кларнетизма стихотворения гражданско-го, философского и интимного звучания, убеждать себя и других, что «коммунизма дали видны». Это была трагедия гения, который четко осознавал непреодолимую бездну между внутренними своими возможностями и реальностью, где на эти возможности высшим руководством страны было наложено беспощадное табу. Впрочем, как писал великий современник Тычины и не менее пострадавший от тогдашней же власти гениальный кинорежиссер Александр Довженко, о художнике следует судить по его вершинным произведениям.

К счастью, Павел Тычина оставил нам в наследство немало действительно неповторимых вершинных вещей, которые навсегда занесены в золотой фонд духовной сокровищницы нации. Одним из таких произведений является длительное время умалчиваемое официальным литературоведением советского прошлого знаменитое стихотворение «Скорбная мать», написанное 27-летним Павлом Тычиной в 1918 году. Вместе с прославленными сти-

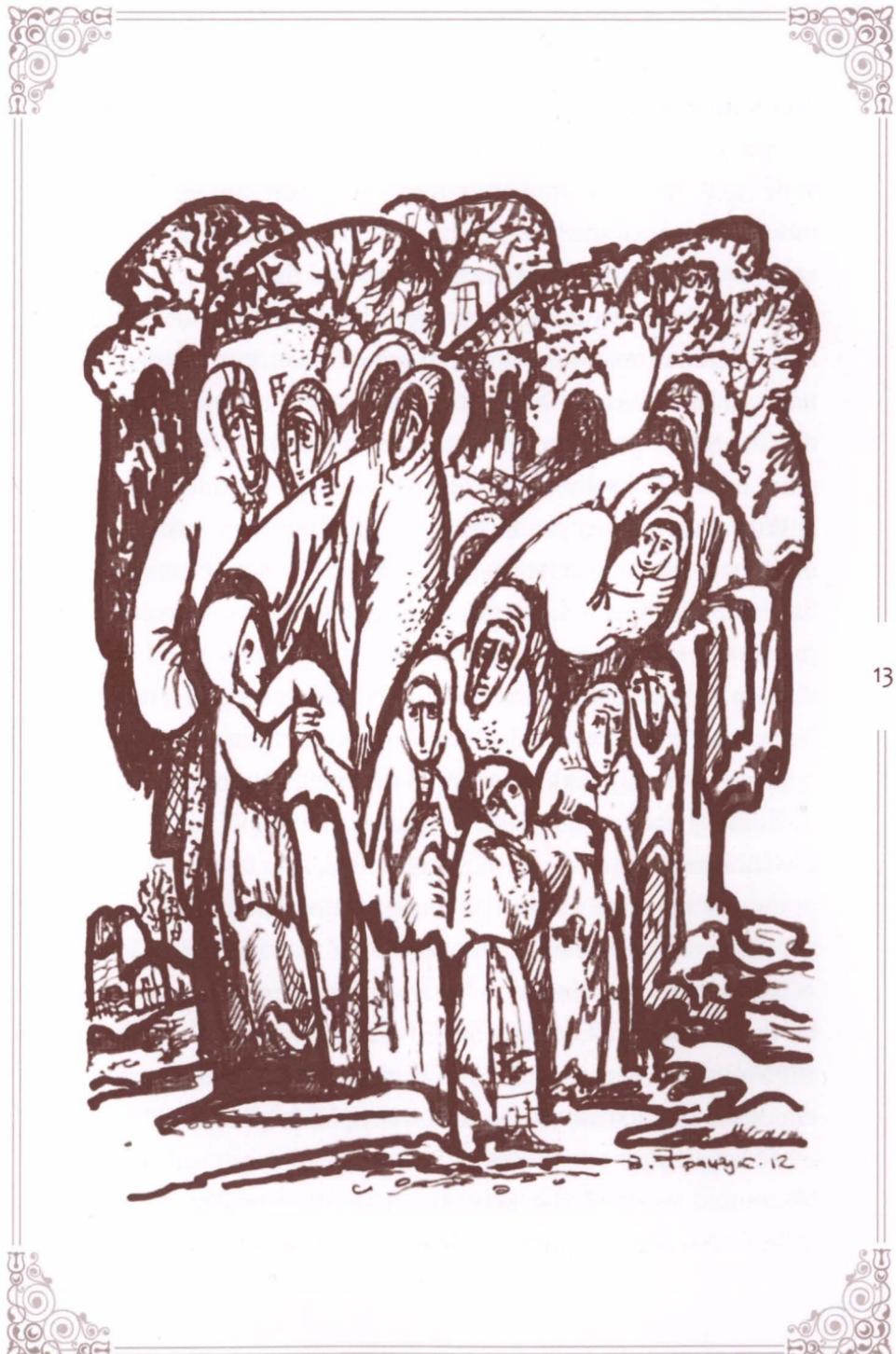
хотоврениями «Золотой гомон» и «Дума о трех ветрах» оно завершает дебютный и в то же время реформаторский сборник поэта «Солнечные кларнеты». Образ скорбной женщины, которая в поисках следов своего распятого сына скитается одичалыми полями Украины, может олицетворять и Матерь Божью, и родную мать поэта (которой, собственно, посвящается стихотворение), а также Мать-Украину. Это своеобразное триединство придает повествованию универсального значения, возносит ее от глубоко личностного до общечеловеческого уровня. В четырех миниатюрных главах, по четыре строфы в каждой, автор сумел развернуть катастрофическую картину разоренной, вытоптанной и уничтоженной обители Спасителя, последнего прибежища его страдальческой души. Вопрос «За что тебя распято, за что тебя убито?» можно отнести, бесспорно, не только к сыну безутешной матери, но и к обездоленной Украине, где изобилует лишь дикая рожь и «в могилах поле мріє». Хотя автор и создает библейский фон (Юдея, Галилея, Эммаус), использует торжественно церковные фразы («Возрадуйся, Мария», «Ой, радуйся», «Христос воскрес»), очевидно, что идет речь о послереволюционном времени в Украине, которой оно вместо взлелеянной в мечтах свободы и независимости принесло тысячу смертей, бесконечные руины и глубокие разочарования. И распяла ее на кресте братоубийственная гражданская война. «Христос воскрес? – не слышала, не ведаю, не знаю!..» – вскрикивает потрясенная увиденной бедой Божья Матерь, что, на первый взгляд, может означать без-

граничное отчаяние, совсем не присущую христианской вере безысходность. Однако это лишь на первый взгляд. В действительности, согласно тому же евангельскому учению, после распятия обязательно должно быть и воскресение. И поэт с помощью тонкой аллегории ведет нас, в сущности, к единственно правильной развязке. Именно в подобном толковании замысла поэта кроется апофеоз скорби, когда через муки и страдания, смерть и воскресение наступает вечная жизнь, о чем, собственно, пророчески предрек любимой отчизне своим великим произведением ПавлоТычина.

Рауль Чилачава

The Prophetic Verse of Pavlo Tychyna

Pavlo Tychyna is one of the greatest poets of the twentieth century, not just in the context of Ukrainian but, I would venture to affirm, in the context of world literature. His first four collections, 'Solar Clarinets' (1918), 'Plough' (1920) 'Instead of Sonnets and Octaves' (1920) and 'The Wind from Ukraine' (1924) became revolutionary phenomena in literary aesthetics. They fundamentally changed the imagination of the modern reader with regard to poetry and the possibilities of literary

art, synthesising thought and music, agony and expectation. His cosmic perception of the world, his unique imagery, linguistic style and musical intonation are based on an extremely individual stance towards reality, which separates the former seminar student and church chorister from the cohort of most of those Ukrainian artists who were his contemporaries, the overwhelming majority of whom would soon join the list of martyrs known as the 'Executed Renaissance.' It is paradoxical that the Soviet government, which ruthlessly destroyed people who believed in the idea of the national distinctness of a Ukrainian ethnic group and its entitlement to separate statehood, did not hamper Tychyna physically. In many respects he personified this renaissance and the beginning of his creative journey demonstrated an exceptionally courageous and passionate conviction that was illuminated with love for his native land, even as he voiced his concern for its future. The poet paid an unusually high price for this 'abundance of spirit', he, voluntarily but by compulsion, became the appointed bard of the 'Bolshevistic era', which severed, in perpetuity, the gold pinions of his muse. Pavlo Tychyna travelled a path from being the bard of the Ukrainian Revolution to becoming the bard of the Socialist Revolution in his work. The formula developed by the poet himself, 'the feeling of a united family', made him the appointed representative of the system. He had to forget about his innovative verses of a civic, philosophical and intimate resonance, which embodied the gradually eroded and tormented spirit of clarinet-ism, while assuring himself and others that 'communism is visible in the future'. For many

decades the poet became a shadow of his own greatness and only isolated flashes of his talent reminded people of his true artistic being. This was the tragedy of a genius who was profoundly aware of the unconquerable rift between his internal potential and reality and how that potential was subject to a taboo imposed by the leadership of the country. As Tychyna's great contemporary, Alexander Dovzhenko, a man who suffered no less than him at the hands of the authorities, wrote, 'it is appropriate to judge an artist on the basis of his highest achievement in terms of creative work'.

Fortunately Pavlo Tychyna left us a legacy comprising of a substantial quantity of supremely valuable creative work that will always form part of the golden fund of the nation's spiritual treasure. One such work, which was passed over in silence for an extended period by the official literary criticism of the soviet past, is the renowned verse 'The Mother's Grief', written by the 27 year old Pavlo Tychyna in 1918. He concluded his literary début with the glorious poetry of 'Gold Murmur' and the 'Ballad of the three Winds', at the same time drawing to a conclusion his reforming collection of poetry. The image of a grief stricken woman, who in search of any traces of her crucified son slowly wanders the neglected pastures of Ukraine, may embody the Mother of God and the poet's mother (to whom the verse is dedicated) as well as Mother-Ukraine. This unique triple unity provides a narrative with universal meaning and raises the poem from the deeply personal to a level at which it speaks to all humanity. In all of its four miniature sections, each comprising of four stanzas, the author is able to unfold a

catastrophic picture of the ruined, rotting and destroyed habitation of the Saviour, the last refuge of his suffering spirit. The question «Why were you crucified, why were you slain?» may be addressed, not only to the son of the anguished mother, but also to the unfortunate Ukraine, where only the wild rye waves and 'the field dreams among its graves'. Although the author provides a biblical colour for his work (for example the references to Judea, Galilee, Emmaus), and utilises ritualised church phraseology («Rejoice, Maria», «Oh, rejoice», «Christ has Risen»), it is apparent that the poem evokes the revolutionary period in Ukraine which, instead of the long dreamed of liberty and independence, brought thousands of deaths, interminable ruin and deep disenchantment. It crucified the country on the cross of a fratricidal civil war. «Christ has risen? I have not heard, I cannot say, I do not know!..» cries the Mother of God, stunned by the evil that she has seen which, at first glance may signify the boundless despair the characteristic and unavoidable element of Christian faith. However the despair is only, at the first glance, a characteristic element of Christianity, for in truth, and in accord with evangelical teaching after the crucifixion there must be resurrection. The poet, with the assistance of that precise allegory guides us in essence to a unique and appropriate resolution. So the poem, in accord with a similar interpretation of the poet's conception, reveals the apotheosis of suffering when, through woe and suffering, death and resurrection, eternal life is realised, as Pavlo Tychyna prophesies for his beloved country in this great work.

Raul Chilachava

Un poème prophétique de Pavlo Tytchyna

Pavlo Tytchyna est l'un des plus grands poètes du XXe siècle. J'oserai même attester qu'il l'est non seulement dans le contexte ukrainien mais également mondial. Ses quatre premiers recueils *Les clarinettes solaires* (1918), *La charrue* (1920), *Au lieu des sonnets et des octaves* (1920), *Le vent d'Ukraine* (1924), ont fait l'effet d'une véritable révolution dans les belles-lettres ukrainiennes de l'époque; le lecteur s'est vu accorder un nouveau regard sur la poésie, sur le potentiel de la parole poétique, sur les moyens de synthèse entre les idées et la musique, entre la douleur et l'espérance. Une vision cosmique, une imagerie exceptionnelle, une musicalité hors du commun, un style novateur, une perception unique de la réalité – tout cela a vite distingué l'ancien étudiant du collège ecclésiastique dans un groupe des jeunes talents dont la plupart a péri lors des massacres des années 30 de l'intelligentsia ukrainienne, cette «renaissance fusillée». C'est là un paradoxe que le pouvoir soviétique qui a fait mourir tant de personnes qui croyaient à la nécessité d'accorder de l'autonomie au peuple ukrainien n'ait pas physiquement éliminé Pavlo Tytchyna, lui qui dès ses premiers poèmes a exprimé son amour pour son pays tout en exprimant ses inquiétudes quant à son avenir avec une franchise qui aurait dû le menacer. Le pouvoir a demandé au poète un bien cher prix pour sa «loyauté»: celui-ci était obligé de chanter «l'ère bolchévisée» qui coupait de plus en plus les ailes à sa muse jadis si inspirée! L'œuvre de Pavlo Tytchyna a parcouru un long chemin épineux: lui, chantre

de la révolution ukrainienne, est devenu celui de la révolution socialiste, un esclave décoré de toutes les distinctions du système. Il devait proclamer «la sensation de la famille unique» des peuples en attestant que «l'on distingue les horizons du communisme». Il était obligé d'arrêter ses recherches poétiques novatrices, de faire ses adieux à l'esprit de «clarinettisme» qui émanait dans sa jeunesse des poèmes à tonalité sociale ou philosophique, ou intime. Pour de longues décennies il restait l'ombre de sa gloire de jeunesse avec des rares éclats du talent de son âme d'artiste d'antan. C'était une grande tragédie de l'être qui se rendait compte que ses capacités de création ne pourraient se réaliser dans un tel contexte social puisque les dirigeants du pays ont tabouisé l'écriture libre. Un autre grand contemporain de Tytchyna, le cinéaste de génie Alexandre Dovjenko qui a enduré à peu près les mêmes persécutions du pouvoir, lui, demandait de juger les artistes d'après leurs plus fortes réussites. Il a eu raison.

Il est heureux que Pavlo Tytchyna nous ait laissé bien d'ouvrages de tout premier ordre qui forment un véritable trésor de notre patrimoine national. L'un des poèmes que l'on passait sous silence sous la période soviétique est ce remarquable *La mère de la douleur* écrit par le poète à l'âge de 27 ans. Ce poème clôt (avec d'autres ouvrages célèbres comme *La rumeur d'or* et *La douma des trois vents*) son tout premier recueil *Clarinettes solaires*, un recueil déjà très novateur. L'image d'une femme en deuil qui passe sur les champs mornes ukrainiens peut symboliser la Mère du Christ; d'autre part, elle fait penser à la mère du poète (c'est à elle que ce poème est dédié); par ailleurs elle évoque l'image de la mère-Ukraine. Cette image de trinité universalise l'écriture poétique, unit le personnel au cosmique.

Dans les quatre parties du poème (chacune regroupe quatre strophes) l'auteur a su créer un tableau frappant – voire catastrophique! – de la patrie du Seigneur, celle qui demeurait le dernier asile pour son âme endolorie, une patrie pillée, piétinée et détruite. La question symbolique *Pourquoi crucifièrent-ils? Pourquoi l'assassinèrent?* on peut, sans aucun doute, la référer à l'image du fils d'une mère inconsolée mais également à l'image d'une Ukraine où *seuls des seigles poussèrent* et il n'y reste plus que des *champs de tombeaux enchantés*. Certes, l'auteur a dressé un fond biblique (les topoï Judée, Galilée, Emmaüs), il s'est servi des structures de liturgie chrétienne (*Ô Marie, sois bénie! Bénie! Christ est ressuscité!*) et pourtant on y parle du temps survenu juste après la révolution ukrainienne, des milliers de morts pour une cause perdue, le pays ruiné sans liberté véritable plongé dans un désarroi profond. Ce qui crucifie l'Ukraine, c'est la guerre civile, une guerre des enfants qui s'entre-tuent. «*Christ est ressuscité? Je sais rien... Je sais rien...*» crie la Mère du Christ, abasourdie par le malheur qui frappe de toutes parts ; on serait tenté de voir là un cri de désarroi sans bornes et sans issue et pourtant cette perception serait contraire à l'éthique chrétienne. Ce serait donc une impression trompeuse. Notre poète grâce à une allégorie subtile nous guide vers un dénouement logique et véridique. En vérité, d'après la tradition chrétienne il n'y a pas de Crucifixion sans Résurrection. Cette interprétation de la conception de l'auteur nous suggère qu'après une apothéose de la douleur, après les peines, les souffrances et la mort il y aurait une Résurrection, une vie éternelle et libre. Ce serait également une prédiction que Pavlo Tytchyna annonçait à sa patrie pour l'avenir que nous sommes en train de vivre.

Raoul Tchilatchava

პავლო ტიხინას მისნური ლექსი

პავლო ტიხინა XX საუკუნის ერთ-ერთი უდიდესი პოეტია. გავტედავ ვამტკიცო, რომ არა მარტო უკრაინულ, არამედ მსოფლიო კონტექსტშიც. მისი პირველი ოთხი კრებული “მზის კლარნეტები” (1918), “გუთანი” (1920), “ოქტავების და სონეტების ნაცვლად” (1920) და “უკრაინის ქარი” (1924) სიტყვაკაზმულ მწერლობაში რევოლუციურ მოვლენად იქცა, რომელმაც ძირებულ შეცვალა მკითხველის წარმოდგენა პოეზიაზე, მხატვრული სიტყვის შესაძლებლობებზე, აზრისა და მუსიკის, ტკივილისა და იმედის სინთეზზე. კოსმოსურმა მსოფლალქმამ, უნიკალურმა სახეობრიობამ, ენობრივ-სტილისტურმა და მუსიკალურმა დახვეწილობამ, სინამდვილის უკიდურესად თავისებურმა აღქმამ იმთავითვე გამოაცალკევა ყოფილი სემინარისტი და საექლესიო გუნდის მომღერალი უნიჭიერეს ხელოვანთა კოპორტიდან, რომელთა უმეტესობამაც სულ მალე შეადგინა “დახვრეტილი აღორძინების” მწუხარე მარტიროლოგი. პარადოქსია, მაგრამ ბოლშევიკურ ხელისუფლებას, რომელიც სასტიკად უსწორდებოდა უკრაინელი ერის თვითმყოფადობისა და დამოუკიდებელი სახელმწიფოებრივი არხებობის მომხრეებს, ფიზიკურად ხელი არ უხლია პავლო ტიხინასთვის, რომელიც ბევრი რამით თავადვე განასახიერებდა იმ აღორძინებას და საკუთარი შემოქმედებითი გზის დასაწყისშივე შესაშური გულახდილობით გამოხატავდა მშობელი მიწის

სიყვარულს, გამოთქვამდა მისი მომავლით შეშფოთებას. ხელისუფლების ამგვარი “სულგრძელობა” პოეტს წარმოუდგენლად ძვირად დაუჭდა: იგი “ნებაყოფლობითი იძულებით” იქცა, მისივე სიტყვებით რომ ვთქვათ, “გაბოლშევიკებული ერის” მომდერლად, რამაც მის შთაგონებულ მუზას სამუდამოდ შეაკვეცა ოქროს ფრთები. თავის შემოქმედებაში პავლო ტიჩინამ განვლო გზა უკრაინული რევოლუციის მომდერლიდან სოციალისტური რევოლუციის მომდერლამდე. ”ერთიანი ოჯახის გრძნობის” მის მიერვე ჩამოყალიბებულმა ფორმულამ პოეტი აქცია სისტემის ჩინოსან ტყვედ, რომელსაც ამიერიდან უნდა დაევიწყებინა თავისი ნოვატორული, კლარნეტიზმის სულისკვეთებით გაუდენთილი მოქალაქეობრივი, ფილოსოფიური და ინტიმური ქლერადობის ლექსები, დაერწმუნებინა საკუთარი თავიცა და სხვებიც, რომ “კომუნიზმის ჩანს საწიერი”. ათეული წლების მანძილზე პოეტი საკუთარი ფსკლბები იჩრდილს გახდა და დათრგუნვილი ნიჭის მხოლოდ წამიერი გაელვებით თუ შეახსენებდა გარშემო მყოფთ თავის ნამდვილ არსეს. ეს იყო ჭეშმარიტი ტრაგედია გენიოსისა, რომელსაც ზუსტად ჰქონდა შეგნებული თუ რა გადაულახავი უფსკრული გაწოლილიყო მის შინაგან შესაძლებლობებსა და არსებულ სინამდვილეს შორის, სადაც ამ შესაძლებლობებისთვის ქვეყნის უმაღლეს ხელისუფლებას ულმობელი ტაბუ ჰქონდა დადებული. ამავე დროს, როგორც წერდა პავლო ტიჩინას დიდი თანამედროვე და მაშინდელი ხელისუფლებისგან არანაკლებ დაზარალებული გენიალური კინორეჟისორი ალექსანდრე დოვკენკო, ხელოვანზე

მისი უმაღლესი მიღწევების მიხედვით უნდა ვიმსჯელოთ. საბედნიეროდ, პავლო ტიჩინამ მართლაც ბევრი ისეთი განუმეორებელი და ბაჯაღლო ქმნილება დაგვიტოვა, რომლებიც სამუდამოდ შევიდა ერის სულიერ საგანძურში. ერთ-ერთი ასეთი ქმნილებათაგანია საბჭოური ლიტერატურათმცოდნების მიერ ადრე მონდომებით მიჩქმალული შესანიშნავი ლექსი “მგლოვიარე დედა”, რომელიც 27 წლის პავლო ტიჩინამ 1918 წელს დაწერა. იგი სახელგანთქმულ ლექსებთან “ოქროსფერი დაღადი” და “ფიქრი სამ ქარზე” აგვირგვინებს სადებიუტო და ამასთანავე რეფორმატორულ კრებულს “მზის კლარნებები”. მგლოვიარე დედა, რომელიც თავისი ჯვარცმული ძის საძებრად დაეხეტება უკრაინის გავერანებულ ველებზე, შეიძლება განასახიერებდეს ლვისმშობელსაც, პოეტის მშობელ დედასაც (რომელსაც ეძღვნება ლექსი) და აგრეთვე დედა-უკრაინასაც. ეს თავისებური სამსახურისა თხორის ანიჭებს უნივერსალურ მნიშვნელობას, პყავს იგ პირადულიდან ზოგადსაკაცობრიო სიმაღლემდე. სულ რადაც ოთხ მინიატურულ თავში, რომელიც ოთხ-ოთხი სტროფისგან შედგება, ავტორი ახერხებს გაშალოს მაცხოვის გაოხრებული, გათელილი და განადგურებული სავანის, მისი გვემული სულის ბოლო საყუდრის კატასტროფული სურათი. შეკითხვა: “რატომ გაგაკრეს ჯვარზე? მომიკლეს შენი თავი?” უდავოდ შეიძლება ეკუთვნოდეს არა მარტო უნუგეშო დედის შვილს, არამედ ბედკრულ უკრაინასაც, სადაც მხოლოდ “ტოკავს ველური ჭვავი” და “მოჩანს საფლავთა ჯარი.” ავტორი თუმცა პქმნის ბიბლიურ ფონს

(იუდეა, გალილეა, ემაუსი), იყენებს საზეიმო-საეკლესიო ფრაზებს (“მარიამ, გიხაროდეს”, “ქრისტე აღსდგა”), ცხადია, რომ საუბარია რევოლუციის შემდგომ უკრაინაზე, რომელსაც ახალმა დრომ სანუკვარი დამოუკიდებლობისა და თავისუფლების ნაცვლად ათასობით სიკვდილი, უსასრულო ნგრევა და ღრმა გულგატებილობა მოუტანა. იგი ჯვარს აცვა მმათამკვლელმა სამოქალაქო ომშა. “ქრისტე აღსდგაო? – ვინ თქვა? მე არ ვენდობი ქარებს!...” – წამოიძახებს ნანახი უბედურებით შეძრული დედა დვთისა, რაც, ერთი შეხედვით, შეიძლება ნიშნავდეს უზომო სასოწარკვეთას, ქრისტიანული რწმენისთვის მიუღებელ უიმედობას. მაგრამ ეს მხოლოდ ერთი შეხედვით. სინამდვილეში კი, იმავე სახარებისეული მოძღვრების თანახმად, ჯვარცმას აუცილებლად უნდა მოჰყვეს მკვდრეთით აღდგომაც. და პოეტსაც ფაქიზი ალეგორიის, არსებითად, ერთადერთი სწორი გზის, მეოხებით მივყავართ კვანძის უთუო გახსნამდე. მისი ჩანაფიქრის ამგვარ განმარტებაში იმალება გლოვის აპოთეოზი, როცა ტანჯვა-წამების, სიკვდილისა და მკვდრეთით აღდგომის გზით მიიღწევა მარადიული სიცოცხლე, რაც თავისი დიადი ნაწარმოებით უწინასწარმეტყველა კიდევ საყვარელ სამშობლოს პავლო ტიჩინაში.

რაულ ჩილაჩავა

Скорбна мати

Пам'яті моєї матері

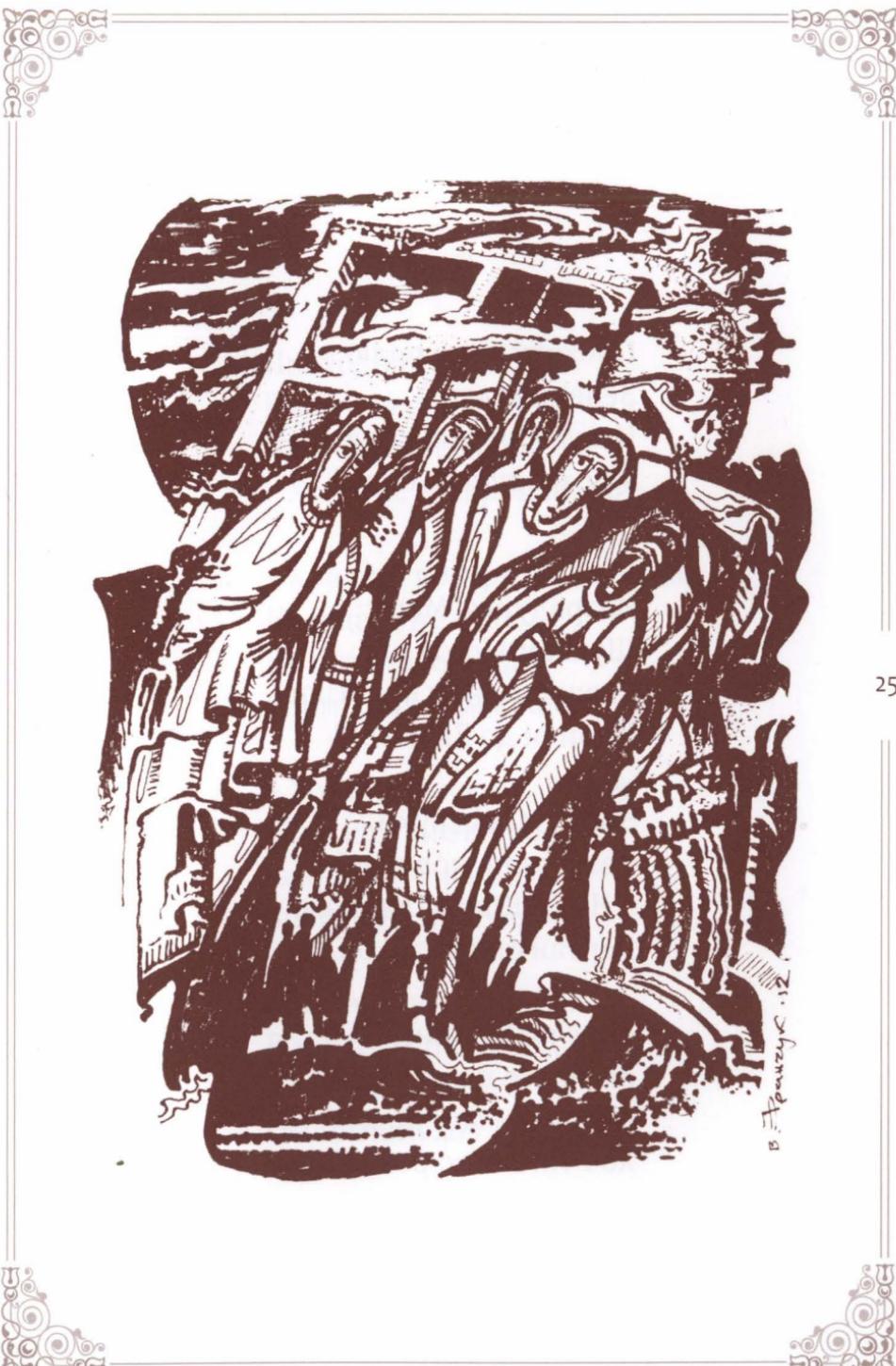
I

Проходила по полю
Обніжками, межами.
Біль серце опромінив
Бліскучими ножами.

Поглянула – скрізь тихо.
Чийсь труп в житах чорніє...
Спросоння колосочки:
Ой, радуйся, Маріє!

Спросоння колосочки:
Побудь, побудь із нами!
Спинилась Божа Мати,
Заплакала сльозами.

Не місяць, і не зорі,
І дніти мов не дніло.
Як страшно!.. людське серце
До краю обідніло.

II

Проходила по полю –
Зелене зеленіє...
Назустріч учні сина:
– Возрадуйся, Маріє!

Возрадуйся, Маріє:
Шукаємо Ісуса.
Скажи, як нам простіше
Пройти до Еммауса?

Звела Марія руки,
Безкровні, мов лілеї:
– Не до Юдеї шлях вам,
Вертайте й з Галілеї.

Ідіте на Вкраїну,
Заходьте в кожну хату –
Ачей, там вам покажуть
Хоч тінь його розп'яту.

III

Проходила по полю,
В могилах поле мріє –
Назустріч вітер віє:
– Христос воскрес, Маріє!

– Христос воскрес? – не чула,
Не відаю, не знаю.
Не бути ніколи раю
У цім кривавім краю.

27

– Христос воскрес, Маріє!
Ми – квітки звіробою,
Із крові тут юрбою
Зросли на полі бою.

Мовчать далекі села.
В могилах поле мріє.
А квітка лебедіє:
О згляньсь хоч ти, Маріє!

IV

Проходила по полю...
- І цій країні вмерти? -
Де він родився вдруге, -
Яку любив до смерті?

Поглянула - скрізь тихо.
Буяє дике жито.
- За що тебе розп'ято?
За що тебе убито?

Не витримала суму,
Не витримала муки -
Упала на обніжок,
Хрестом розп'явши руки.

Над нею колосочки
«Ой радуйся!» - шептали.
А янголи на небі
не чули і не знали.

1918

Скорбная мать

Памяти моей матери.

I

По полю проходила
Тропинками, межами...
Боль сердце озарила
Блеснувшими ножами.

Взглянула – тихо всюду,
На ниве трупы чьи-то...
– Ой, радуйся, Мария! –
Зашелестело жито.

29.

Спросонку колосочки:
– Побудь, побудь меж нами!
Склонилась Богоматерь,
Заплакала слезами.

Не месяц и не звезды,
И утро не алело.
И сердце человечье
Так страшно обеднело.

II

По полю проходила –
Простлалось, зеленея.
Апостолы навстречу,
Столпились перед нею:

– Возрадуйся, Мария,
Мы ищем Иисуса.
Скажи, как нам скорее
Достигнуть Эммауса?

Горе воздела руки –
Бескровные лилеи:
– Не в Иудею путь вам,
Не в землю Галилеи.

Пройдите по Украине,
По каждому селенью,
Там встретитесь, быть может,
С его распятой тенью.

III

По полю проходила –
Курганы вековые...
Навстречу веет ветер:
– Христос воскрес, Мария!

– Христос воскрес? Не верю,
Не ведаю, не знаю.
Вовек не будет рая
В кровавом этом крае.

31

– Христос воскрес, Мария!
Цветы мы зверобоя,
Здесь на крови, гурьбою,
Растем на поле боя.

Вдали безмолвны села,
Курганы вековые.
Лишь лепестки лепечут:
О, сжался же, Мария!

IV

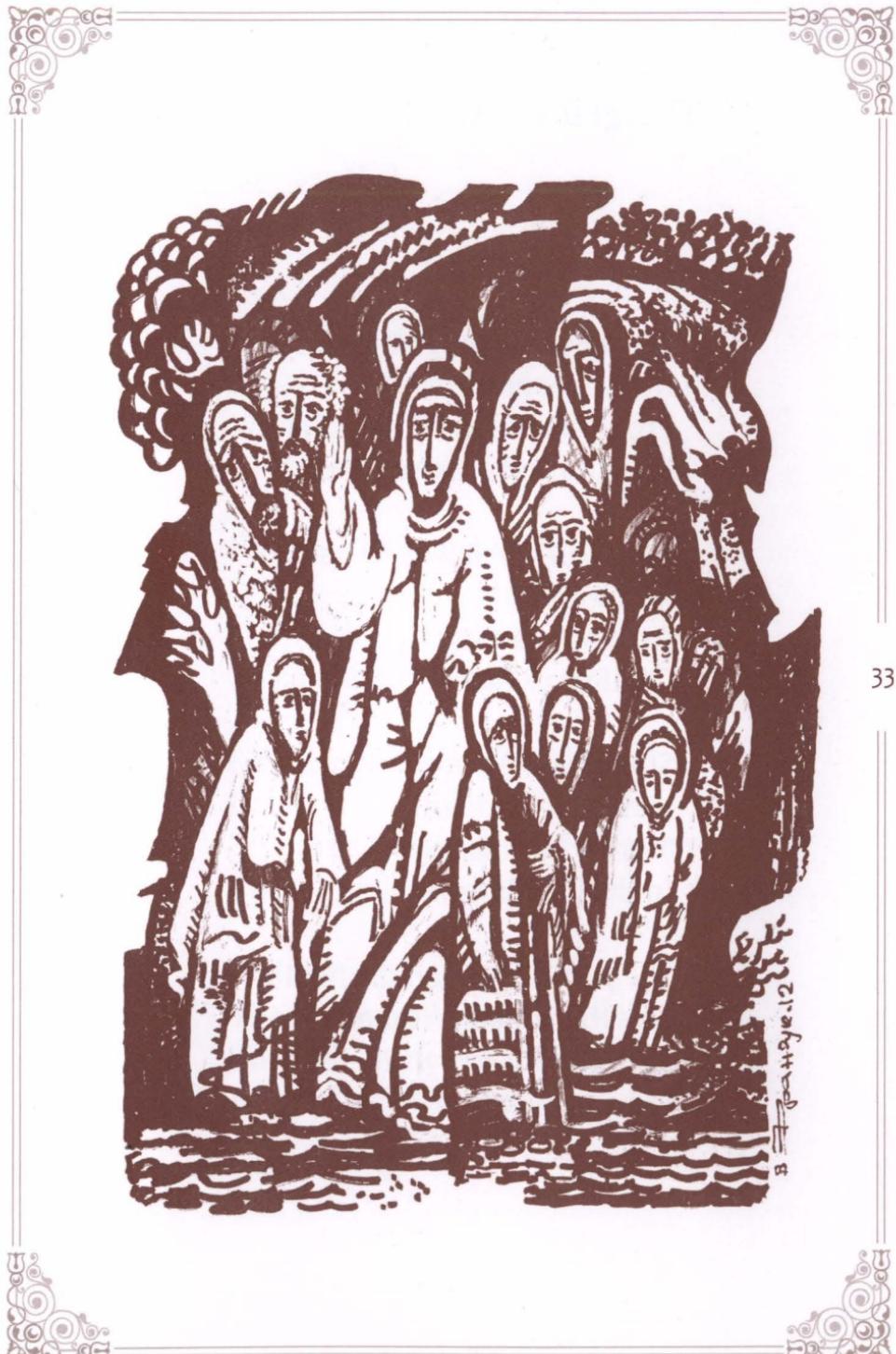
По полю проходила –
Стране ли этой сгинуть?
Ведь Он ее до смерти
Не захотел покинуть.

Взглянула – тихо всюду,
Ковыльник на могиле.
– За что Тебя распяли?
За что Тебя убили?

Не выдержала скорби,
Не выдержала муки,
Упала на тропинку,
Крестом раскинув руки.

Над нею колосочки
– Ой, радуйся! – шептали,
А в небе херувимы
Не ведали, не знали...

Переклад з української Ігоря Качуровського

The grief of the Madonna

In Memory of my Mother

I

She passes through the field,
Her route made
From chance paths revealed
By wind and grass, each blade

Rasps on her skin. Silence.
In the rye
A corpse darkens.
Comfort us Mary.

Stalks whisper drowsily,
Mary stay with us,
Mother of God stay
In the field in tears.

She passes through the field
And the wind parts the grass.
The world is too visible
But she must pass.

II

She passes through the field
As the grass and the dawn
Whisper, her name is called
By the disciple of her son:

He says, “Farewell Mary,
We are searching for Jesus,
Show us the simplest way
To pass to Emmaus.”

35

She points, her hand as free
Of blood as a lily.
“Your road does not lead that way.
Turn from Judea and Galilee.

Walk across Ukraine.
There they will show,
Through every open door,
His crucified shadow.”

III

She passes through the field,
The field dreams in the wind,
Over each burial mound
Christ stands revealed.

“Christ is risen? I didn’t hear
Or no one told me.
God will not come near
This blood soaked country.”

36
Christ is risen, Mother of God.
We are flowers of skin and bone
Watered with blood, a crowd
Walks over the dead, each one alone.

The distant villages are silent.
The field dreams in the wind.
The lily glows like snow, just fallen.
Mary, consider us, be human.

IV

She passes through the field.
Will he die in this country
Where he was resurrected?
Loving death too passionately?

She looks around. It is quiet.
The rye waves, agitated.
Why were you crucified?
Why were you murdered?

37

She cannot bear this sadness.
Her arms open.
She falls into the grass,
A soundless crucifixion.

Over her the grain
Whispers, "Oh rejoice".
The angels in heaven
Do not hear or know her loss.

1918

Translated into English St. Komarnycky

La Mère de la Douleur

A ma mère, in memoriam

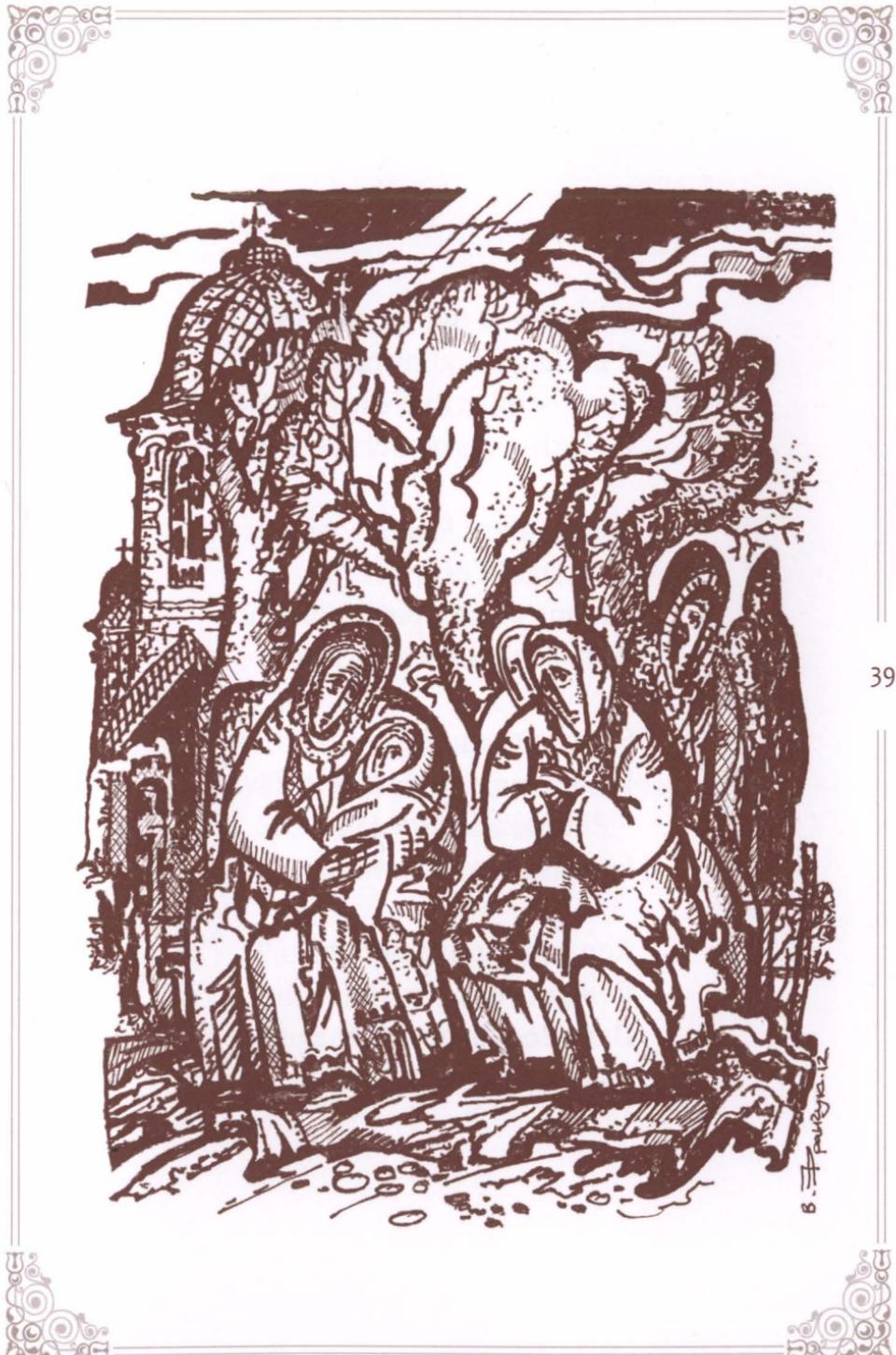
I

Silencieuse, elle passait
Sur ces mornes terrains.
Luit le cœur de douleur
Comme des glaives ardents !

Elle vit: tout était muet.
Rien qu'un mort qui noircit.
Les blés mal éveillés:
Sois bénie, ô Marie !

Les blés mal éveillés:
Reste, reste, Marie !
Et la Vierge s'arrêta,
Pleure, l'endolorie.

Plus de lune, plus d'étoiles,
Plus de jour ni de l'heure.
Dans les affres infernales
S'enténèbrent les cœurs.

II

Elle passait par les champs.
C'est le vert qui verdit.
Les disciples du Fils:
Ô Marie, sois bénie!

Sois bénie, ô Marie!
Ton Jésus n'est pas loin.
Sommes-nous loin d'Emmaüs?
Il est où, le chemin?

Si exsangues, si lys –
Les mains blêmes qu'elle leva:
– Revenez de Judée,
Là n'est pas votre voie.

Repartez pour l'Ukraine,
Et alors vous verriez
Dans de mornes campagnes
Son fantôme crucifié.

III

Elle passait par les champs.
Des tombeaux enchantés.
Et le vent murmura:
Christ est ressuscité !

Christ est ressuscité ?
Je sais rien... Je sais rien...
Plus aucun paradis
Dans ce pays de sang.

41

Christ est ressuscité !
Millepertuis que nous sommes
Sur les champs de bataille
Par milliers nous poussons.

Pas un mot, pas un seul –
Des tombeaux enchantés.
Fleur-de-cygne a chanté:
– Oh ! Marie, arretez !

IV

Elle passait par les champs:

- Un pays pour la mort?

Pour y naître à nouveau?

Pour l'aimer à la mort?

Elle vit: tout était muet.

Seuls des seigles poussèrent.

Pourquoi crucifièrent-ils?

Pourquoi l'assassinèrent?

Mais trop lourde est la peine

Et le mal trop ardent -

Elle tomba comme une croix

Sur ces mornes terrains!..

Les blés mal éveillés

Lui murmurent: «La bénie!»

Et les anges du ciel

Ne l'ont jamais appris.

(In: *Clarinettes solaires*, 1918)

Traduit de l'ukrainien par Dmytro Tchystiak

მგლოვიარე დედა

დედაჩემის ხსოვნას

I

ის მინდორ-მინდორ ვლიდა,
ის ვლიდა ყანა-ყანა.
გულში ტკივილი ესო,
როგორც ელვარე დანა.

სიჩუმე იდგა ირგვლივ,
გვამს გადააწყდა ოდეს...
მძინარ თავთავებს წასცდათ:
მარიამ, გიხაროდეს!

43

მძინარ თავთავებს წასცდათ:
აქ დარჩი, დარჩი მარად!
შეჩერდა დედა ღვთისა,
ცრემლები გადმოღვარა.

არც ჩანდა ვარსკვლავ-მთვარე,
არც თენდებოდა დილა.
შეძრწუნდა... კაცის გული
რა უსასოო ქმნილა.

II

ის მინდორ-მინდორ ვლიდა,
შემოეყარნენ ოდეს
მოწაფეები ძისა:
მარიამ, გიხაროდეს!

მარიამ, გიხაროდეს:
კვალს იქსოსკენ ვიგნებთ.
ემაუსამდე მოკლე
გზა მიგვასწავლო იქნებ!

აღაპყრო მარიამმა
მჭკნარი ხელები მაღლა:
— ნურც იუდეა გინდათ,
ნურც გალილეას ნახვა.

თუ ძეს დაეძებთ ჩემსას,
უკრაინაში წადით,
რომ ყოველ ქოხში ნახოთ
მისი ჯვარცმული ლანდი.

III

ის მინდოო-მინდოო ვლიდა...
ჩანდა საფლავთა ჯარი –
მოშრიალებდა ქარი:
– ქრისტე არ არის მკვდარი!

ქრისტე აღსდგაო? – ვინ თქვა!
მე არ ვენდობი ქარებს.
სამოთხით ვერ იხარებს
სისხლით მორწყული მხარე.

45

– მარიამ, ქრისტე აღსდგა!
ჩვენ – ყვავილებიც, ჯარად
ამოვდალანდით, მარად
სად სისხლის გუბე მდგარა.

სდუმან სოფლები შორი,
სძინავთ საფლავში ძვალებს.
ახელს ყვავილი თვალებს:
მარიამ, შეგვიწყალე!

IV

ის მინდორ-მინდორ ვლიდა...
– ნუთუ ეს მხარე კვდება? –
სად ის მეორედ იშვა,—
სად მან შეიგრძნო შვება?

ნახა – სიჩუმე სუფევს.
როკავს ველური ჭვავი.
– რატომ გაგაკრეს ჯვარზე?
მომიკლეს შენი თავი?

ვერ აიტანა ტანჯვა,
თვალწინ დაუდგა შვილი –
და ჩაიკეცა იქვე
ჯვარივით ხელგაშლილი!..

თავთავნი თავდახრილად
“გიხაროდესო!” – ხმობდნენ.
ანგელოსნი კი ლაჟვარდ
ცაში არც არას გრძნობდნენ.

1918

უკრაინულიდან თარგმნა რაულ ჩილაჩავამ

Зміст

Пророчий вірш Павла Тичини.	
Автор – Рауль Чілачава.....	5
Пророческое стихотворение Павла Тычины.	
Переклад російською мовою Р. Чілачави	8
The Prophetic Verse of Pavlo Tychyna.	
Переклад англійською мовою С. Комарницького.....	12
Un poème prophétique de Pavlo Tychyna.	
Переклад французькою мовою Д. Чистяка	17
პავლი ტიჩინის მისამართი ლექსი.	
Переклад грузинською мовою Р. Чілачави	20
Павло Тичина. Скорбна мати.....	24
Павел Тычина. Скорбная мать	
Переклад російською мовою І. Качуровського.....	29
Pavlo Tychyna. The grief of the Madonna	
Переклад англійською мовою С. Комарницького.....	34
Pavlo Tychyna. La Mère de la Douleur	
Переклад французькою мовою Д. Чистяка	38
პავლი ტიჩინის მისამართი ლექსი	
Переклад грузинською мовою Р. Чілачави	43

Павло Тичина
«Скорбна мати»

Координатор проекту – Олексій Довгий
Упорядники – Тетяна Сосновська, Алла Генералова

Редактор – Григорій Донець
Коректор – Григорій Донець
Оригінал-макет – Олександр Ладік

Видавничий дім “АДЕФ-Україна”
Свідоцтво про внесення суб’єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців, виготовників і розповсюджувачів
видавничої продукції серія ДК № 334 від 09.02.2001
01030, Київ, вул. Б. Хмельницького, 32, оф. 40а
тел.: (044) 284-08-60, факс: (044) 284-08-50
e-mail: adef@adef.com.ua, www.adef.com.ua

Printing: publishing house “ADEF-Ukraine”
Certificate of publishing business subject to inclusion in
State registry of publishing production publishers
series ДК № 334 of 09.02.2001
01030, Kyiv, B. Khmelnitskogost., 32, office 40a
Tel.: (+38 044) 284 08 60, fax: (+38 044) 284 08 50
E-mail: adef@adef.com.ua, www.adef.com.ua

УДК 821.161.2-1
ББК 84(4Укр)6-5
Т46

Підписано до друку 14.03.12 р.
Формат 64x90/16
Друк офсетний. Наклад – 1500 прим.
Замовлення № 73

ISBN 978-966-187-137-2

© Літературно-меморіальний музей-квартира П.Г. Тичини в м. Києві

A 25725

Видавці засвідчують вдячність письменникам

громадським діячам, які працювали над книгою:

Олексію Довгому

Ігорю Качуровському

Раулю Чілачаві

Стефану Комарницькому

Валерію Франчуку

Дмитрові Чистякові

Книга підготовлена та видана Літературно-меморіальним музеєм-квартирою П.Г. Тичини в м. Києві та Науковим центром «Мала Академія Наук України» з метою популяризації творчої спадщини Павла Григоровича Тичини в Україні та за її межами, а також з метою залучення молоді до наукової та перекладацької діяльності.

Видавці вдячні родичам Павла Тичини –

Володимиру та Дмитру Тичинам (м. Чернігів),

Костянтину Сосновському, Наталії та Едуарду Місеврам (м. Київ) – за допомогу й дієву підтримку проекту.

129/12

ПРО

Головний інформаційний партнер:
Інформаційна агенція культурних індустрій